

ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА ИЛИ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ ПОЗНАНИЯ XX ВЕКА И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ОЦЕНКЕ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНО А. БЕЛОМУ

В. А. Беляева

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 21 апреля 2025 г.

Аннотация: рассмотрены проекты теорий познания философии XX в. – неокантианства, феноменологии, позитивизма и прагматизма. Показано, что каждый из перечисленных подходов фундирует философию исключительно на полюсе научного познания; следствием такого подхода оказывается стагнация культурного целого. В сравнение приводится теория символизма Андрея Белого как содержащая в себе элементы, соответствующие постнеклассической рациональности. Теория символизма Андрея Белого выстраивается на синтезе научной, религиозной и творческой интуиций, что позволяет раскрывать новые подходы к осмыслению функций философии и к разработке методов исследования культуры.

Ключевые слова: неокантианство, феноменология, прагматизм, позитивизм, символизм, теория познания, теория символизма, неклассическая рациональность, постнеклассическая рациональность.

Abstract: the article examines the projects of epistemological theories in 20th-century philosophy – Neo-Kantianism, phenomenology, positivism, and pragmatism. It demonstrates that each of these approaches grounds philosophy exclusively on the pole of scientific cognition; the consequence of such an approach is the stagnation of the cultural whole. For comparison, Andrei Bely's theory of symbolism is introduced as containing elements corresponding to post-nonclassical rationality. Andrei Bely's theory of symbolism is built on a synthesis of scientific, religious, and creative intuitions, which enables the development of new approaches to understanding the functions of philosophy and to devising methods for studying culture.

Key words: neo-Kantianism, phenomenology, pragmatism, positivism, symbolism, theory of knowledge, theory of symbolism, non-classical rationality, post-non-classical rationality.

В середине XVII в. Иммануил Кант формулирует четыре вопроса, предопределяющие развитие философии: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек?» Два века спустя возникает широкий спектр философских школ, наследующих мысли И. Канта: позитивизм, прагматизм, неокантианство, феноменология. Во многом сформулированные внутри этих школ ответы на вопрос о границах познания обусловили сциентизацию развития философской мысли. Так, Генрих Риккерт пишет: «Основания теории познания суть вместе с тем основания всей философии» [1, с. 159]. Если следовать принципу деления этапов развития рациональности, предложенной В. С. Стёпиным, то релевантность сциентизма начала XX в. будет детерминирована этапом неклассической рациональности и, соответственно, необходимостью ревизии предшествующих техническому прогрессу периодов развития научной мысли [2]. Современное

положение науки характеризуется ее междисциплинарностью, таким образом, в ревизии и реинтерпретации нуждается уже само понятие как науки, так и научного мировоззрения. В связи с этим, если следовать определению функций и задач философии, сформулированных Г. Риккертом, проблематичными оказываются место и роль философского знания. Область науки является частью сферы культуры, которая состоит также из областей искусства, религии и области социальных взаимоотношений. Каждая из областей конституирована собственной онтологией, вследствие чего подход к их изучению не может быть осуществлен исходя из методов единственной области знания, но должен происходить из сущности каждой из областей. Однако очевидно и то, что перечисленные области знания находятся во взаимосвязи, в таком случае правомерен вопрос об их объединяющем условии. В связи с этим предлагается рассмотреть теорию символизма (творчества) Андрея Белого и эксплицировать в ходе анализа альтернативные подходы к объяснению знания и,

соответственно, взаимоотношения внутри системы «человек – мир».

Действительность, граница трансцендентного и умножение знаний в философских проектах XX века

«Что я могу знать?» – уточнение пределов развития теории познания выстраивалось вокруг этого вопроса. Так, в XX в. происходит ревизия касаемо места и роли философии по отношению к дифференцированным областям знания. Сформулированный в рамках Баденского Неокантианства вопрос состоял не только в определении отношения предмета познания к познавательному процессу, но и отношения обратного качества, т. е. знания к процессу его формирования в виде различных вариаций, конечной точкой которых оказывался тот или иной предмет познания, конституирующий конкретную область дисциплины. Однако очевидно, что порядок отношения между составными элементами знания не может определяться ни самим порядком, ни элементами, его составляющими. В этом случае возникает вопрос телеологии и на первый план выходит понятие смысла. Смысл определяет как характер познания, так и вид структурной взаимосвязи между различными аспектами познания. Но сам по себе смысл еще не говорит о том, чем являются познание и знание. Смысл образуется в ходе реализации отношения процесса познания к действительности, иначе посредством осуществления интерпретирующей функции философии, что резюмируется Генрихом Риккертом в статье «О понятии философии». Отношение же к действительности определяется интерпретацией действительности, зависящей от ценностей. При этом интерпретация действительности, в зависимости от школы, оказывается различной. Во многом речь идет об определении границы трансцендентного, т. е. о возможности познания действительности. Для иллюстрации можно указать на формирование различных подходов к обнаружению связи внутри субъект-объектного отношения познания, реализованных в некоторых направлениях философии XX в. Условно можно выделить две группы:

1) непосредственное познание действительности – прагматизм, позитивизм;

2) опосредованное познание действительности – неокантианство, феноменология.

В обеих группах действительность трансцендентна познающему субъекту, но конститутивные и методологические формы познания в каждом направлении оказываются различны. Различие их является следствием, предопределяемым целеполаганием, основание которого зависит от того, где проводится черта трансцендентного. Так, с точки зрения прагматического проекта действительность доступна субъекту

познания непосредственно. Согласно Ч. Пирсу [3] и позднее Ч. Моррису [4], достаточно понять систему референции, определяющую ту или иную область, чтобы область познания представала перед субъектом не только как объективная реальность, но и как объект, поддающийся преобразованию с последующим позитивным результатом. Контраргументом выступает позиция неокантианской традиции с критикой теории отражения (воспроизведения) [5]. Критикуя теорию отражения, Риккерт выстраивает аргументацию следующего толка: если бы действительность была дана субъекту непосредственно, то само познание оказалось бы невозможным, поскольку оно возможно лишь благодаря отличимости своей формы от действительности. Это утверждение Риккерт берет за основной тезис: теория познания занимается только вопросом формы, содержание же остается предметом частных наук. При этом характер соотношения нормы, методологической и конститутивной форм познания, представленных в той или иной науке, определяет частное ее выражение в виде конкретной дисциплины. В данном случае в теории Риккерта различаются два пути:

1) трансцендентально-логический метод – путь, ведущий к пониманию причины, определяющей познание, через определение ценности предмета познания. Этот метод конституирует область познания действительности, выявляя ее содержание;

2) трансцендентально-психологический метод – здесь ценность предписывается познанию в форме должествования [там же].

В первом случае ценность определяется смыслом познания, поскольку сама ценность трактуется как трансцендентная, тождественная смыслу. Однако в таком подходе действительность оказывается трансцендентной познанию как априорно, так и апостериорно. Подобная абсолютная трансцендентность действительности обнаруживается и в раннем проекте Гуссерля. В «Логических исследованиях», где внимание смещается с познания действительности (понимаемой как внешней по отношению к субъекту) на познание действительности как конституирующую активность самого субъекта познания, действительность определяется либо исходной точкой, либо целью. Результатом познания должно быть объективное знание о предмете познания, т. е. о той области действительности, внутри и посредством которой существует система наук. В связи с этим осуществление Гуссерлем методологической формы познания, единственным условием которой является конкретная дисциплина (в данном случае – логика), приводит к формированию новой области знания – феноменологического проекта [6]. Таким образом, систематизация знания, как и исследование границ познания, оказываются за пределами науки. Если сравнивать

приведенные примеры с позитивистской парадигмой, то уточнение мировоззренческих аспектов в процессе теоретического конструирования дисциплин и, как следствие, появление новых областей знания служат прогрессу в целом [7]. Таким образом, философия выполняет функцию осмысления научных понятий и их перевода в область социальных взаимодействий. Здесь полезно уточнить, что при сравнении сциентизации философии в проектах М. Шлика и Г. Риккерта содержание понятия сциентизма – независимо от используемой терминологии – в определении имманентной структуры отношений как между понятиями, так и внутри них не является эквивалентным. Так, в позитивизме сциентизм философии определяется ее укорененностью в математическом знании, которое предопределяет естественно-научное знание (выступающее основой гуманитарного, но принципиально от него отличное). В этой парадигме философия осуществляет рефлексивную функцию. Стремление же Риккерта заключается в переосмыслении иерархии дисциплин через помещение философии за границу трансцендентного, где действительность конституируется в соответствии с ценностным содержанием.

Проблемой подобного подхода в проекте Риккерта, как и в проекте раннего Гуссерля, оказывается иерархизированное понимание структуры научного знания. В процессе обнаружения первоначального принципа, который структурирует всё последующее отношение областей знания друг к другу, неокантианский, феноменологический и прагматистский проекты занимаются обоснованием метанауки. Функцию метанауки выполняет философия; однако, поскольку методология выводится из конституции научной области описания, образ философии представляется модифицированным своими различными вариациями. Так, у Гуссерля возникает наука логики, у Риккерта – наука о ценностях, а, говоря о прагматистах, метанаукой является семиотика. В позитивистской парадигме философия осуществляет посредническую функцию, но для мысли Андрея Белого подобное функциональное определение философии было бы недостаточным. Сама философия, как и теория знания, в понимании Андрея Белого будет выступать не более чем термином, т. е. обозначением некоторой объективно рассматриваемой области, тогда как, по всей видимости, целью теории символизма служит построение такой объяснительной модели, внутри которой не происходило бы однозначного схватывания знания, в связи с чем остается свобода для возникновения смысла. Подобной моделью для Белого является слово, совмещающее в себе пространственный и временной аспекты, не только символизируя действительность в ее процессе, но и «сотворяя» ее. Подобный подход позволяет избежать гипостазирования понятия, поскольку в логике Ан-

дрея Белого любое значение, стоящее за понятием, предопределяется смыслом, а выражение смысла представляется как внешне представленная модель смысловой действительности, т. е. слово, написанное или звучащее, которым и является символ [8, с. 316]. В связи с этим вновь происходит возвращение к смыслу.

Рецепция неокантианской теории познания и теория символизма

Может показаться, что наука о ценностях Г. Риккерта оказывается наиболее значимым направлением в философской мысли XX в., поскольку наука о ценностях оказывается наукой о смысле. Однако метод, посредством которого Риккерт приходит к понятию смысла, являясь трансцендентально-логическим, соответственно, конституирует область его значения, тогда как обусловливание смысла может происходить и в терминах экзистенциальной философии, как, например, у Ясперса, чья позиция во многом Риккертом критикуется. Познание действительности как таковой не входит в задачи Риккерта. По сути, Риккерт воспроизводит кантовское «...бытие не есть реальный предикат» [9, с. 524], оставляя действительность за рамками концептуализации. Но из такого положения следует вывод, как минимум, по двум пунктам проблематики. Во-первых, при подобном наукоцентрированном подходе сфера культуры оказывается редуцированной только лишь к науке. Если пропустить тривиальный аспект проблемы, выраженный в трактовании науки не как опытного знания, но посредством ассоциирования научного знания с техническим прогрессом – понимание, против которого Риккерт в целом выступает [1, с. 420], – то можно сконцентрироваться на вопросе более сущностного толка: о следствии интерпретации взаимодействия между человеком и миром в терминологии познания, имплицитно содержащей в себе раскол на субъект-объектное отношение. На первый взгляд может показаться, что триада «субъект – познание – объект» операционально удобна для осуществления методологической формы познания. Тем не менее конституируемая вследствие осуществления данного метода норма действительности в виде области знания накладывает не только ограничения на способы взаимодействия с действительностью (независимо от того, речь идет о физически наблюдаемой действительности или умозрительной), но и объективирует человека посредством понятийной концептуализации, заключая его в данность обусловленных терминов. В данном ракурсе и возникает проблематика, рассматриваемая Белым: является ли отношение познания и абстрактно-логической мысли единственным способом отношения человека к действительности? В связи с этим от вопроса о границах познания Белый

переходит к вопросу о том, что такое человек и где границы человеческого. Вторая же проблема, выводимая из первой, – это иерархизация знания, вследствие которой происходит онтологизация конкретной области знания как единственно возможной. Конечно, проблема не в самой иерархии, а в характере связи между элементами системы, энтропия которой вызвана стагнацией, возникающей вследствие порядка, выстроенного на единственном полюсе знания. Таким образом, смысл и ценность, предопределяющие познавательный процесс, оказываются недостаточными для подлинного познания действительности, поскольку при подобном иерархизированном рассмотрении происходит его застывание, а та область действительности, которая познана, оказывается лишь суррогатом изначальной. Если приводить в сравнение примеры из синергетической парадигмы, то гораздо большим потенциалом обладает решение задачи о характере осуществления взаимосвязи между элементами структуры, описание же системы стоит производить в терминах нелинейности и открытости [10]. Несмотря на то что Риккерт пытается избежать проблему разделения на субъект – объект посредством введения трех царств: Смысла, Ценности и Действительности, – познание действительности у Риккерта предстает как разделенное на форму и содержание [5, с. 13]. Белый принимает тезис Риккерта «теория познания занимается познанием только формы», его преобразуя. Осуществляя синтез научной, художественной и религиозной интуиции, Белый утверждает, что всё есть «форма и только форма» [8, с. 382]. При этом данное утверждение, находящее развитие (в том числе в трудах Белого по эстетике), взято из области математики, как об этом пишет Елена Силлард [11]. С этой точки зрения, форма познания, о которой говорит Риккерт, – это форма понятийно-концептуальная, для Белого же формой познания оказывается символ, а его оформление происходит ритмически [8, с. 112–117]. Воспринимая основную идею феноменологии Рудольфа Штейнера в «Эссе о смысле познания», Андрей Белый пишет, что подобный раскол происходит вследствие осуществления абстрактно-логической мысли [12]. Тем не менее, согласно Белому, этот шаг оказывается необходимым, являясь одной из ступеней в познании. Белый выделяет три таких ступени: имagination, инспирацию и интуицию, а их осуществление имеет вид спирального развития [13]. В «Эмблематике смысла» Белый принимает схему Риккерта: методологическая форма познания, конститутивная форма познания, норма, ценность, смысл; но конструкция, осуществляемая в согласии с данной разметкой, происходит за счет синтеза между научной, творческой и религиозной интуициями. Первым шагом Белый отказывается от обозначения действительности как обусловленной

методологией познания нормы. Следующим шагом происходит рассмотрение действительности как вообразимой – имажинативной. Формально эти шаги идентичны операциям в феноменологии и неокантианстве, но сущностно их реализация определяется религиозной ценностью, у Белого это мотивировано восточной философией [14, с. 141]. В воспроизведении трех последовательных шагов: имажинации, инспирации и интуиции – происходит возвращение к имажинативной форме на следующем витке, запечатление которой обнаруживается в культурных символах. Таким образом, посредством реверсии Белый приходит в изначальную точку, трансформация которой выражается качественно – в виде материального отпечатка. Характер деятельности в терминологии Белого понимается в значении теургии, что высветляет буквальное выражение понятия «сотворения», исконным в понимании Белого смыслом. В философии Белого действительность, трансцендентная познанию, есть то, «что творит наши сны», и это есть ценность [8, с. 71]. Понятие реверсии важно для осмысления философии Белого. Подобная модель суждения присутствует также и на позднем этапе – в учении о становлении самоосознающей души, где описаны три циклических этапа развития души: *души ощущающей, души рассуждающей и души самоосознающей*. В понимании Белого душа не принадлежит телу, скорее наоборот, тела являются репрезентацией – отражением самосознающей души [15, с. 128]. В связи с подобным «зеркальным» переворотом необходимо осмысливать и учение о «Я», и учение о «Коллективе», неразрывно связанные с осмыслением Культуры как действительности. Триада «Я – Коллектив – Душа Самоосознающая» повторяет схему диалектического развертывания, уже присутствующую в чертеже к Эмблематике смысла, с заменой констант «Хаоса, Числа и Символа» на первые. Подобно тому, как в диалектическом противопоставлении Хаоса и Числа появляются области знания, определяемые в соотношении научного и художественного познания, также и на самой первой ступени собственного развития «Я» «Душа» переживает себя частью «Коллектива». Как замечает К. А. Свасьян, для подлинного понимания того, о чем пишет Белый, необходимо понимать антропософский контекст. Если предположить сравнение антропософской доктрины с элементами учения Риккерта, то проблема «формы – содержания» или «трансцендентного – имманентного», по всей видимости, коренится в первично выделяемых Риккертом слоях субъектности [1, с. 26]. Тогда как Риккерт исходит из условной «точки отсчета» как тела физического, то, в понимании Белого, физическая действительность уже является результатом процессов, происходящих в сфере действительности трансцендентной различию качеств действительности

наблюдаемой. Здесь стоит упомянуть то, что обозначается К. А. Свасьяном понятием «реверсивной каузации» [16, с. 69], поскольку для Белого рассматриваемая временная направленность не является линейной, а имеет характер спирального развития, где последующий этап предопределяет предшествующий. Такой вывод делает философскую фигуру Андрея Белого противоречивой, но от этого лишь более любопытной в контексте современных исследований. По той причине, что в теории познания (теории символизма) Белый говорит не только о различных интуициях и методах, лежащих в основе религиозного, научного и творческого мировоззрений – подобное разделение плодотворно для построения философской систематики, примером чему может служить философия символических форм Эрнста Кассирера; но в том числе и проблематизирует поле философского знания таким образом, что наряду с эксплицируемым порядком теории познания как теории ценностей обнаруживается порядок философии предположительно экзистенциальной направленности. В сопоставлении этих двух порядков можно найти ответы на вопрос об опытном переживании действительности, что позволяет расширить поле философских исследований, а соответственно, и приблизиться к ответу на вопрос о формировании действительности, как и к определению роли философского знания по отношению к эволюции картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риккерт Генрих. Философия жизни : пер. с нем. Киев : Ника-Центр, 1998. 512 с. (Познание; Вып. 6).
2. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2013. № 2. С. 75–90.
3. Пирс Ч. Начала прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина ; послесл. В. Ю. Сухачева. СПб. : Лаборатория метафиз. иссл. филос. ф-та СПбГУ : Алетея, 2000. 318 с.
4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика : сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Радуга, 1982. 88 с.
5. Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии : сб. / колл. авторов. 1913. № 7. С. 1–89.
6. Гуссерль Э. Логические исследования / пер. с нем. Э. А. Бернштейн ; под ред. С. Л. Франка ; нов. ред. Р. А. Громова. М. : Академ. проект, 2011. Т. I: Прологомены к чистой логике. 253 с. (Философские технологии).
7. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2004. Vol. 1, Issue 1. Мориц Шлик. Р. 213–226. URL: <https://doi.org/10.5840/eps20041149>
8. Белый Андрей. Символизм. Книга статей // Собр. соч. / общ. ред. В. М. Пискунова. М. : Культурная революция : Республика, 2010. 527 с.
9. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 800 с.
10. Хакен Г. Синергетика : иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М. : Мир, 1985. 424 с.
11. Силард Лена. Герметизм и герменевтика. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
12. Белый А. О смысле познания // Поэзия слова (Russian Study Series 51). Chicago : Russian Language Specialities, 1965. [Перепечатка изд.: СПб. : Эпоха, 1922.] С. 35–51.
13. Schmitt Angelika. Andrei Bely's experience of meditation as a key to his historiosophical conception of "self-conscious soul" // *Literary Fact*. 2018. Р. 267–292.
14. Спивак М. Л. Дневниковое наследие Андрея Белого (1896–1933) // *Studia Litterarum*. 2019. Vol. 4, No. 4. Р. 138–165.
15. Андрей Белый. История становления самосознющей души : в 2 кн. / сост., подгот. изд. М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь ; подгот. текста и коммент. М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь. М. : ИМЛИ РАН, 2020. Кн. 2. 800, [64] с. : цв. ил. (Литературное наследство ; Т. 112).
16. Свасьян К. А. История, как материал к биографии (Андрей Белый и его opus magnum) // *Russian Literature*. 2011. Vol. 70, Issues 1–2, 1 July–15 August. Р. 61–88.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Беляева В. А., аспирант кафедры онтологии и теории познания

E-mail: belyaeva.valeria@gmail.com 1142230207@pfur.ru

Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba

Belyaeva V. A., Post-graduate Student of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

E-mail: belyaeva.valeria@gmail.com 1142230207@pfur.ru